

Новый национализм. Как устаревают универсальные ценности

Борис Цилевич

Современный национализм обычно «открытый» — фактор крови для него не так уж важен. Гораздо важнее механизм мобилизации самых разных недовольных и способы производства недовольства. Подъем национализма и популизма в мире связан с эрозией универсальных ценностей — предыдущая катастрофа произошла несколько поколений назад, и люди забыли, как эти ценности важны.

Лояльность меньшинства не означает готовности ассимилироваться; а если требовать ассимиляции, можно, как в Латвии, уменьшить такой ресурс, как русскоязычные жители

Социальные сети

Статья подготовлена на основе интервью Бориса Цилевича.

Термин «национализм» имеет несколько различных интерпретаций и определений. Термин «нация» тоже неоднозначен: в международном праве это синоним государства, в общественных науках — либо совокупность граждан, то есть гражданская, политическая общность, либо этническая, культурная общность.

И национализм, и нет

Французская революция строила единое государство из различных групп со своими культурными особенностями, как противовес сословному, иерархическому устройству государства, — так появился гражданский национализм. С другой стороны, когда в уже существующем государстве правительство стремится ликвидировать культурное разнообразие, построить однородную в культурном отношении нацию — это мы тоже называем национализмом.

Еще мы говорим о национализме в контексте борьбы против колониализма (в советском дискурсе предпочитали термин «национально-освободительное движение»). Наиболее популярный современный вид национализма — это сепаратизм, который может официально представляться как регионализм или автономизм, то есть борьба за властные полномочия, за автономию, но очень часто за этим в качестве конечной цели стоит отделение, создание собственного государства. Каталония — наиболее яркий пример, другой недавний пример — [декларация](#) лидеров Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии о совместной борьбе за выход из состава Великобритании.

Наконец, есть еще глобальный национализм, «пан-национализм»: пантюркизм, панарабизм, панславизм.

Проблема в первую очередь в терминологии. И эта проблема вряд ли решается, потому что существует академическая свобода — каждый исследователь имеет право предлагать любые определения и теории и обосновывать их в рамках академических дебатов. Единообразной трактовки, на основе которой можно было бы разрабатывать конкретные и четкие международные стандарты и соглашения, не будет, потому что нет структуры, которая была бы способна это сделать. ООН — это просто большой круглый стол. Поэтому даже создать понятийную систему, в рамках которой можно обсуждать ситуацию и искать решения, — очень сложная задача.

А тем временем изменения в мире такие, что привычная терминология перестает работать. Например, когда мы говорим о каких-то политических трендах, мы сплошь и рядом используем выражения типа «правые» и «левые», «ультра-правые» или «радикально левые». Но они совершенно не помогают понять, что происходит. Эта терминология формировалась в то время, когда главной проблемой, стоящей перед политическими партиями в условиях демократии, было отношение между работодателями и наемными работниками, можно сказать, марксистские оппозиции. Но с тех пор мир фактически пришел к консенсусу: регулируемая рыночная экономика — это золотой стандарт, отступление от него — маргинальные тенденции вроде Северной Кореи. В экономике правые и левые спорят о деталях — о ставках налогов, размерах пособий, надо ли приватизировать или национализировать ту или иную отрасль, но никто не подвергает сомнению, скажем, необходимость пенсии или 40-часовой рабочей недели.

Основные противоречия сейчас лежат в другой плоскости. Можно описать эти противоречия как борьбу между традиционалистским консервативным подходом, с одной стороны, и прогрессистским, с другой.

Консолидация недовольных

Сейчас активно обсуждается победа «Альтернативы для Германии» на выборах в одной из земель Германии. По замечанию политолога Алекса Юсупова, АдГ стала платформой, которая сумела объединить разные группы людей, недовольных самыми разными вещами. И это типичный феномен.

Этот процесс консолидации недовольных демонстрирует те же закономерности, что и националистическая мобилизация. В этом случае вместо этнической общности работают другие критерии разделения на «своих» и «чужих». Но само это разделение остается основой, как и в национализме.

Сегодня расизм, единство «по крови» еще существует, но уже не в моде. Доминирует открытый национализм: ты можешь присоединиться к группе. Современные националистические режимы поощряют ассимиляцию, конечно, осторожно, не для всех, — чтобы сохранить тех самых «чужих», которые, собственно, и позволяют идентифицироваться через противопоставление им.

Вот у нас в Латвии есть партии, которые в принципе считаются «русскими». А в вопросах беженцев и иммиграции рабочей силы из третьих стран они занимают позиции, очень близкие к радикальным латышским националистическим партиям. Получается некое «арийское», «белое» единство, русские и латышские националисты ощущают определенную общность позиций. Между собой у них свои разборки, но в вопросах политики по отношению к тем, кого обе группы определяют как «чужих», предвзятость и отторжение у них совпадают.

Еще один пример консолидации недовольных — трампизм. Все, кто проигрывает от технологического прогресса, теряет рабочие места, не готов постоянно переучиваться и перестраиваться, кто не приемлет расширения пределов допустимого в отношении гендерных, расовых и прочих стереотипов, кого раздражает политкорректность, кому чужды эмпатия и солидарность — становятся легкой добычей максимально эффективных, не имеющих моральных ограничений пиар-технологий.

Думаю, тенденции усиления популистских, антилиберальных, антиевропейских партий — это последствия нескольких революций последнего времени. Одна — то, что Екатерина Шульман называет массовизацией политики. Появление смартфонов, широкополосного интернета и соцсетей дало каждому возможность высказаться. И люди, которым всегда сложно было прочесть какой-то лонгрид в солидной газете, сейчас получают информацию на те же темы из ТикТока. Исчезли фильтры, которые раньше отсеивали наиболее радикальные, мракобесные, вредные идеи.

Сегодня в политику пришли пиаровские приемы, которые были разработаны для коммерческого маркетинга. А основа коммерческого месседжа — убедить человека, что-то, что у него сейчас есть — это плохо, нужно купить что-то другое. И это эффективно: люди все больше и больше недовольны тем, что они имеют. Мое поколение — первое, которое прожило без большой войны. Если брать объективные показатели, с точки зрения питания, жилищных условий, медицины, продолжительности жизни никогда еще люди не жили на земле так хорошо, как сейчас. Но это воспринимается как нечто естественное, если спросить людей об отношении к этому, то большинство будет недовольно и скажет, что их жизнь ухудшилась. Объективной реальности не существует, люди исходят из того, что они чувствуют.

Механизм мобилизации

И здесь вступает в силу механизм, который характерен для националистической мобилизации. Мобилизационный потенциал национализма исключительно высок.

Первый этап — разделение на «своих» и «чужих». Если в классическом национализме это все базировалось на крови, то теперь такой расистский подход стал маргинальным. На самом деле здесь полностью подходит тезис Бенедикта Андерсона о «[воображаемых сообществах](#)» — таких, у которых нет четко определенных границ. Враги, «они», которые делают плохо «нам», могут быть любимыми — *deep state*, чиновники, евробюрократы, Брюссель, иммигранты, сионисты, коммунисты, всемирный заговор... Именно потому, что тут нет четких границ и четкой формализации, так популярны разные конспирологические идеи.

Второй этап — тезис, что «они» забрали то, что принадлежит нам. Из-за «них» нам плохо.

Отсюда уже следующий шаг: мы имеем право забрать то, что принадлежит нам. И вот этот тезис «мы имеем право» косвенно подразумевает, что необязательно парламентским путем. Потому что ведь «они» все равно контролируют все, «они» не дадут провести правильные выборы. Вот постоянные утверждения Трампа, что все было подделано: даже контролируемая им система юриспруденции доказала, что все на выборах было по закону, но, тем не менее, «это все неправда», поэтому мы имеем право на насилие. И вот это последний, самый опасный этап.

Как быть с ценностями

Ставятся под сомнение базовые принципы, базовые ценности. На международном уровне появление согласованных универсальных ценностей — всегда эффект катарсиса, вызванного мировыми катастрофами. Вестфальская система, на которой до сих пор основано международное право, появилась после Тридцатилетней войны, принесшей небывалые разрушения Европе. Более или менее современная карта Европы с определенными обязательствами государств сложилась на Венском конгрессе после наполеоновских войн. Лига наций со своей системой многосторонних и двусторонних договоров возникла по итогам Первой мировой войны. Современная система — после Второй мировой войны.

Но эффект катарсиса недолговечен. Два, три, максимум четыре поколения — и люди начинают воспринимать эти базовые принципы как искусственные ограничения, которые им навязываются насильно, через политкорректность. Уходит само обоснование, о нем забывают. То, что мы сейчас видим в России: трансформация «никогда больше» в «можем повторить» буквально за несколько лет. Суть новой системы прав человека, которая была принята под эгидой ООН после Второй мировой войны, ее отличие от всех предыдущих систем прав человека заключается в универсальности. «Каждый человек рождается свободным и равным в своем достоинстве и правах». Естественно, этот лозунг было очень непросто воплотить в жизнь, это заняло десятилетия, пока была преодолена расовая сегрегация в Соединенных Штатах, дискриминация женщин...

Но и сегодня актуален вопрос: где проходит граница солидарности? Идеология традиционалистских, консервативных партий заключается в достаточно резком ограничении круга тех людей, с которыми мы проявляем солидарность.

Надо ли делиться куском хлеба? Помню дискуссии во время сирийского кризиса, когда я был членом Парламентской ассамблеи Совета Европы. «Они люди, они не наши, но все равно это наш человеческий долг», — многие политики рассматривали помощь беженцам как следование христианским принципам, ценностям более важным, чем та или иная партийная принадлежность. Другие говорили: «Нет, гуманизм — это в первую очередь позаботиться о наших детях, потому что беженцы едят наш хлеб, они нас убивают, они исламизируют Европу». Это не столько политический, сколько мировоззренческий конфликт.

Да, государства договорились об универсальных ценностях после мировой войны под влиянием катарсиса. Был консенсус на уровне лидеров развитых демократий. Но если бы был проведен референдум, скажем, в Германии где-то в году 1949-м, насколько бы эти консенсусные идеи получили поддержку? Денацификация стала приносить первые плоды только в следующем поколении, в 1960-е. Непосредственно после поражения в войне очень многие немцы ощущали себя несправедливо пострадавшими. Бомбежки Дрездена, лишения, поведение оккупационных войск, массовые изнасилования советскими солдатами и так далее. Этот ресентимент вряд ли способствовал принятию гуманистических идей под флагом ООН. Я уж не говорю про Советский Союз, где формально руководство поддерживало все эти красивые идеи, но в то же самое время продолжались жестокие репрессии против собственных граждан, аннексия и жесткий контроль в различных формах целого ряда восточноевропейских государств.

Международная система получилась не совсем такой, какой требовали демократические идеи, положенные в основу того самого ООН. С одной стороны, да, все государства равноправны, с другой стороны, Совет Безопасности все основные полномочия оставил себе. Как только между членами Совбеза возникли противоречия, вся посуда и посыпалась.

Деколонизация и прочий гуманизм

Конечно, надо признать, что было очень много проблем с реализацией принципов равенства, гуманизма и солидарности. Скажем, деколонизация. Никто не представлял ее последствий. Такое идеалистическое воззрение: мы сейчас дадим им свободу, они построят демократические справедливые государства. Далеко не во всех случаях это получилось. Я не берусь судить, почему так произошло. Но ответом на это разочарование в каком-то смысле стала концепция постколониализма. Это подход, который применяется в самых разных областях и, с моей точки зрения, является серьезным шагом назад по сравнению с принципами ООН. Он отступает от либерального подхода, в основе которого — права личности и центральное место личности. Постколониализм говорит скорее о неких коллективных правах, об исторических компенсациях народам и т. д.

Мне кажется, очень важен ответ старых демократий на эту ситуацию. Нынешние ответы ограниченно эффективны. Ответ «это наша вина, давайте помогать больше» не совсем адекватен. С другой стороны, ответ в виде Fortress Europe, «мы свое сделали, мы вас отпустили, теперь живите сами, наши границы закрыты», ответ, который питает все эти консервативно-традиционалистские движения, антииммигрантские настроения — с экономической точки зрения никаких оснований не имеет. Он основан на мифах, что иммигранты невыгодны. На самом деле нет ничего выгоднее иммигрантов в качестве рабочей силы. И массовая иммиграция в континентальную Европу, собственно, началась после Второй мировой войны, когда Германия заключила соглашение с Турцией, потому что в Германии некому было работать. Предполагалось, что гастарбайтеры поработают и уедут, но значительная часть их осталась. И сегодня турки составляют весьма значительную часть общества Германии, участвуют во всех областях жизни общества, включая политику, искусство и так далее.

Наверное, эффективный ответ должен быть где-то между этими двумя крайностями. Практический ответ Европы заключался в *development assistance*, помощи в развитии. Европа довольно много на эти цели тратила и продолжает тратить, и определенные результаты есть. Но с какого-то момента эта стратегия утратила свою эффективность, в частности, из-за усиления роли Китая. Сегодня Китай, по-простому говоря, скупает все подряд в Африке. И если у Европы всегда были какие-то определенные условия, при которых помощь может быть выделена, *conditionality clauses*, — соблюдение прав человека, демократических принципов, — то Китай это не волнует абсолютно, он смотрит только на экономическую эффективность.

Образование и единообразие

Национализм, конечно, связан с системой образования. Такие теоретики, как Эрнест Геллнер и Бенедикт Андерсон, считали, что одной из основных предпосылок национализма стал распад единого латиноязычного пространства, когда в результате изобретения книгопечатания появилась литература на самых разных языках. Потом уже единое образование на государственном языке становилось частью нациостроительства.

Но единообразие, тем более навязанное, вынужденное единообразие всегда ограничивает. Самое главное качество, которое нужно человеку в современном обществе — это адаптивность. Постоянно осваивать что-то новое, приспосабливаться к меняющимся условиям, получать какие-то новые навыки. И единообразие с этой точки зрения вредно.

Например, использование разных языков содействует развитию когнитивных способностей. Сейчас в Латвии образование осталось только на латышском, и в частных школах тоже. Но мы видим уже

достаточно давно, что в гимназиях (это уровень старших классов средней школы, гимназий мало, принимают туда по конкурсу) этнический состав учеников в целом соответствует этническому составу жителей. Дети, у которых родной язык русский, по ряду показателей превосходят своих сверстников с родным латышским, дополнительный язык дает им определенные преимущества. Не только в том смысле, что им доступна дополнительная литература по математике и физике, но и в плане когнитивных способностей.

Я живу в стране, где многоязычие неизбежно. Большинство людей, с кем я общаюсь, моего круга, моей семьи, ежедневно пользуются тремя языками. Мои дети знают больше трех языков. Я еще советский человек, который языки выучил уже, мягко выражаясь, в зрелом возрасте. Представитель того поколения, которое английскому языку учили люди, никогда не слышавшие, как говорят нэтив-спикеры. Мне удалось наверстать, в течение многих лет английский был одним из моих основных рабочих языков. И мне, и тем более моим детям и внукам трудно представить себе жизнь в одноязычном пространстве, но у меня нет никаких сомнений, что одноязычие сильно ограничивает человека. Не только массив знаний, но и интеллектуальные способности. Многоязычие — не только формальный язык, это определенный багаж, культурные ценности, умолчания, определенный тезаурус, с которым каждый язык связан.

Поэтому мне кажется, что ограничивать использование разных языков в образовании могут только люди, которые не очень желают добра детям и своему народу. Конечно, можно много аргументов привести в пользу такого «защитного» национализма: латышский язык маленький, на нем говорят менее двух миллионов человек, давление со стороны уже не столько русского, сколько английского огромное, поэтому приходится принимать очень жесткие меры.

Это действительно так, дети, у которых латышский язык родной, все чаще используют английский в общении. Софт, игры на английском, музыка на английском и так далее. Тем не менее искусственные ограничения вряд ли достигнут цели. Я двумя руками за то, что нужно сохранять, поддерживать, продвигать латышский язык, но ограничения — не лучший способ.

Проблема реставрации нации

Я думаю, что наша проблема в том, что латышский политический класс в значительной степени пытается проводить политику нациостроительства в очень архаичном варианте. Идея реставрации, восстановления юридически признана: после аннексии 1940 года в 1990 году Латвия не создала новое государство, а восстановила свое существование как независимого государства с того места, когда оно было прервано советской аннексией. Но на тот момент Латвия не была демократией: в 1934 году произошел авторитарный переворот Улманиса, парламент был распущен, партии запрещены. В 1990 году Латвия встала перед проблемой — необходимостью одновременно восстановления, реставрации — и модернизации. И здесь, как мне кажется, мы слишком часто даем приоритет именно реставрации и из-за этого отстаем, в том числе от наших балтийских соседей.

В частности, мы интерпретируем лояльность меньшинств не как верность определенным ценностям и принципам государства, а как культурную принадлежность, как готовность ассимилироваться. И это приводит к потере мощного ресурса в виде русскоязычных граждан Латвии. Часть людей, конечно, преодолевают это предвзятое отношение, эффективно интегрируются, становятся полноценными гражданами. Для них националисты — маргиналы, с которыми они мало пересекаются. Но для очень многих это становится препятствием. Более того, тем самым мы помогаем, предоставляем ресурсы кремлевской пропаганде. С чисто практической точки зрения, с точки зрения безопасности мы стреляем себе в ногу. Наиболее наглядный пример — ликвидация общественного вещания на русском языке. Мы всю эту огромную аудиторию просто подарили кремлевской пропаганде. Хотя именно общественное вещание на русском языке сделало очень много для того, чтобы оппонировать, предлагать альтернативу кремлевским нарративам. Но наши националисты в данном случае откровенно подыграли Путину.

Будущее Европы

Мы знаем, что рождаемость в Европе очень низкая. Иммиграция совершенно необходима, просто чтобы кто-то работал, платил налоги, чтобы было из чего выплачивать пенсии, грубо говоря. Без этого стареющая Европа просто не выдержит. Но, с другой стороны, это вызывает негативную реакцию националистов и популистов, поэтому приходится как-то лавировать. Такую «политику лавирования» в той или иной степени мы видим во всех государствах Европы, включая Латвию. Есть публичный сантимент, выступления, критика со стороны националистов, но попытки более центристски настроенных политиков идти им навстречу националистов нисколько не охлаждают, антимигрантская риторика только увеличивается.

Беженцы — это отдельная история, принимать беженцев — наше гуманитарное обязательство. [Конвенция об убежище](#) была принята в значительной степени под влиянием ситуации с евреями — когда они пытались бежать из Германии в конце 1930-х годов, другие страны их не принимали. Принятие конвенции об убежище стало ответом на постыдное прошлое Европы. Но, конечно, никто не рассчитывал на то, что беженцев будет такое количество.

Сама по себе конвенция устанавливает общие принципы, но их реализация, конкретные процедуры находятся в компетенции национальных государств. И применяли эти принципы государства очень по-разному. Еще лет 20 назад я подготовил доклад для ПАСЕ, где анализировал соотношение удовлетворенных и отвергнутых прошений об убежище. Отличия были на порядок в зависимости от государства приема и государства происхождения беженцев. Конечно, это были политические решения. Поэтому кризис системы убежища начался достаточно давно, но особенно это высветила ситуация в Сирии, когда речь пошла о миллионах.

Надо признать, что прогрессистские (в частности, «зеленые») идеи тоже часто бывают радикальными и непрактичными, и это их дискредитирует в глазах общества.

Сейчас говорить о каких-то общих тенденциях сложно. Чем радикальнее националисты внутри государства, тем ближе для них принципы крови, цвета кожи и так далее. У мейнстримных партий все-таки политика пока остается достаточно инклюзивной, центр тяжести переносится с ограничения миграции на интеграционные инициативы. И центральный вопрос сегодня — насколько эффективную политику интеграции государство способно проводить.

Совет Европы много лет занимался этой тематикой и предложил три простых принципа эффективной интеграции. Это, во-первых, общие ценности. Во-вторых, общий язык. Язык не столько как элемент культурной идентичности, сколько как средство коммуникации: чтобы стать полноправным гражданином, человек должен быть способен свободно коммуницировать с согражданами, а для этого нужно владеть официальным языком. И третий очень важный элемент — равные возможности.

Большинство государств, где у власти партии мейнстрима, более или менее из этих концепций исходят. Главная проблема, с которой они в этом плане встречаются, — это, как ни парадоксально, формулировка общих ценностей. Можем ли мы просто объявить общими ценности тех людей, которые исторически проживали на этой территории, и игнорировать отличающиеся ценности приезжих? Например, это проявляется в отношении религии. Националисты обычно сознательно путают ислам и исламизм, ислам как религию и исламизм как идеологию, требующая признания ислама как государственной религии. Еще более яркий пример — концепция семьи и гендерный аспект. Независимо от мигрантов концепция семьи серьезно меняется, все больше государств признают однополые браки, например. Но у значительной части иммигрантов тоже есть свои нюансы — возраст, с которого вступают в брак, полигамия... Получается, что «общие ценности» вовсе не вырублены в камне, они меняются по мере развития общества.

Я по-прежнему уверен, что *Fortress Europe* — концепция нереализуемая, фантастическая. Да, меняются пути миграции, все больше государства пытаются согласовывать гуманитарные аспекты с чисто практическими, утилитарными, обеспечивать преимущества для людей, которые нужны экономике. С этой точки зрения один из главных каналов иммиграции — учеба, университеты. Даже в государствах, которые проводят жесткую националистическую политику, обычно оставляются лазейки для того, чтобы иностранцы, которые успешно прошли обучение в университете, нашли работу, как-то устроились, имели легальную возможность остаться и со временем получить постоянное жительство, натурализоваться.

Нужен баланс. Есть большая опасность — мы видим, что партии мейнстрима в Европе, пытаются конкурировать с популистами, настолько активно используют их идеи и методы, что сами становятся популистами. Рыцарь, победивший дракона, превращается в дракона. Тревожные звоночки раздаются из многих европейских государств. Тут главная опасность — возможный отказ от солидарности с Украиной, от готовности противостоять российской агрессии. Но я надеюсь, что все-таки демократические традиции устоят.

Европа стала жертвой собственного успеха. Когда после 1990 года упал железный занавес, закончилась холодная война, с огромной радостью Европа резко сократила армии, стала сворачивать оборонную промышленность. И пустила сэкономленные средства на социальную сферу, экологию и прочие вещи. Когда спустя 30 с лишним лет выяснилось, что все не так хорошо и что угрозы никуда не исчезли, оказалось, что без Америки Европа мало что может. Сейчас мы опять резко повышаем процент расходов на оборону, возвращаем обязательный призыв в армию, восстанавливаем оборонную промышленность. Конечно, это связано с сокращением социальных расходов. Конечно, люди недовольны, и это максимально используется популистами при поддержке российской пропаганды и операций гибридной войны. Но если мы сейчас не сумеем этого сделать, то постепенно ситуация все больше станет напоминать 1930–1940-е годы. В современной Европе тоже немало желающих пойти по «мюнхенскому» пути, тем более что наши, казалось бы, самые надежные союзники в лице Соединенных Штатов оказались совсем не такими уж надежными.

К сожалению, многолетние надежды на партнерство, сотрудничество, сближение с Россией оказались напрасными. Паранойя престарелых вождей берет верх. Сегодня главный вызов для Европы — как обеспечить свою безопасность и в то же самое время сохранить верность тем принципам, которые мы столько лет торжественно провозглашали. Это очень непростая задача. И пока непонятно, сумеем мы справиться или нет.

Борис Цилевич

латвийский правозащитник, политик, депутат сейма и член ПАСЕ (1998–2022)

<https://ru.themoscowtimes.com/2026/10/25/novii-natsionalizm-kak-ustarevayut-universalnie-tsennosti-a209544>